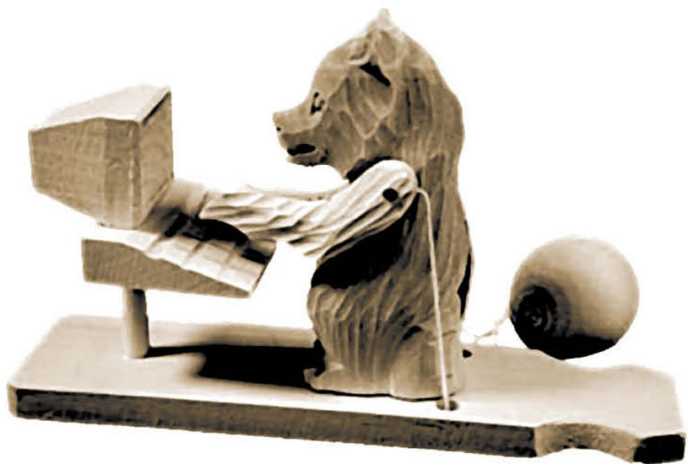

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА

РУССКАЯ МАТРИЦА

Сергей Георгиевич Кара-Мурза

Русская матрица

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55233580

Русская матрица. / Кара-Мурза С.Г.: Алгоритм; Москва; 2010

ISBN 978-5-6994-1144-3

Аннотация

По мнению С.Г. Кара-Мурзы, жизнеустройство народа базируется на больших технико-экономических системах («матрицах»). Складываясь исторически, а не по учебнику, такие матрицы обладают большой инерцией, так что замена их на другие требует больших затрат, а может привести и к катастрофическим потерям.

После 1991 г. Россия переживает системный кризис, кризис «матрицы». Его глубина и продолжительность таковы, что можно говорить о национальной катастрофе: были подпилены основные устои российской цивилизации. Не все они рухнули, и сейчас мы понемногу поворачиваемся к их восстановлению. Но ущерб «матрице России» нанесен огромный и возрождение потребует колоссальных усилий и средств.

Содержание

Раздел 1	5
Армия – часть народа и часть народного хозяйства	5
Русский коммунизм	17
Уроки Февраля	28
Крах советского строя: предпосылки	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Сергей Кара-Мурза

Русская матрица

© Кара-Мурза С.Г., 2010

© ООО «Алгоритм-книга», 2010

© ООО «Издательство Эксмо», 2010

Раздел 1

Наша история

Армия – часть народа и часть народного хозяйства

Армия – особая ипостась народа, в ней отражены важнейшие черты общества, которое ее породило и лелеет. Старшие поколения, пережившие войну, чувствовали свою армию, но плохо знали и понимали ее сущность (как и вообще «не знали общества, в котором живем»). Сейчас, когда целью военной реформы в РФ является изменение именно сущности той армии, ее «культурного генотипа», ликвидация нашей безграмотности стала срочной общенародной задачей. Что будет сломано в нашей культуре и в нашем народе, если будет кардинально заменена одна из его важнейших ипостасей? Об этом не говорят, а ведь именно это главное.

Жизнеустройство народа базируется на больших технико-социальных системах (промышленности, транспорте, теплоснабжении, здравоохранении и пр.). Сложившись в зависимости от природной среды, культуры, доступности ресурсов и конкретных исторических условий, такие системы становятся матрицами, на которых воспроизводится обще-

ство. Переплетаясь друг с другом, эти матрицы «держат» страну и культуру и задают то пространство, в котором существуют страна и народ. Складываясь исторически, а не по учебнику, эти матрицы обладают большой инерцией, так что замена их на другие, даже действительно более совершенные, всегда требует больших затрат, а может повести и к катастрофическим потерям.

Одной из важнейших матриц России является ее армия. Как особая социальная общность, армия есть ипостась народа, а как большая технико-экономическая система есть ипостась народного хозяйства.

В России примерно за 300 лет сложился своеобразный тип современной армии, во многом отличный от западных армий с их идущей от Средневековья традицией наемничества (само слово «солдат» происходит от латинского «soldado», что значит «нанятый за определенную плату»). Российская армия показала высокую эффективность в оборонительных, отечественных войнах. Напротив, наемная армия хорошо показала себя в войнах колониальных и карательных.

В XX веке воплощением, в новых исторических условиях, русской (шире – российской) армии стала Красная армия. В ней получили развитие типичные черты российского войска. Исторически именно армия стала одной из главных матриц, на которых вырос советский проект, а затем и советский строй. Вчерне советский проект был сформулирован на сходах общинной русской деревни в 1905–1907 гг., но большая

армия, собранная в годы Первой мировой войны (11 млн. человек в начале 1917 г.), стала тем форумом, на котором шла доработка советского проекта. После Февральской революции именно солдаты стали главной силой, породившей и защитившей Советы.

Армия еще до 1917 г. сдвигалась к ценностям общины, отвергающей сословное разделение. Более того, эта община сильно ослабляла и межнациональные барьеры. В условиях СССР возникла первая и единственная в своем роде многонациональная неклассовая и несословная армия. Возникнув как армия простонародья, Красная армия и свою офицерскую элиту «выращивала» уже как элиту не кастовую, а народную, с присущим русской культуре идеалом всечеловечности, подкрепленным идеологией братства народов. Это была первая современная армия, не проникнутая милитаризмом и кастовым сознанием. Вернуться от нее назад очень трудно – я думаю, невозможно. Уже немислимо заставить русского солдата назвать командира «господин». Даже Ельцин был вынужден говорить солдатам и офицерам «товарищи».

Никто не отрицает, что армия «для отечественных войн» России нужна и сейчас – но реформаторы сразу стали ее перестраивать по типу западной наемной армии (даже ввели нашивки с угрожающими символами – хищным орлом, оскаленным тигром – то, что всегда претило русской военной культуре). Публике это объясняют якобы более высо-

кой эффективностью контрактной армии, хотя никогда не раскрывают критерия, по которому оценивается эффективность. Ведь она зависит от тех целей, которым служит армия. Одно дело – охранять народ, другое дело – охранять интересы олигархов. Иногда эти цели совмещаются, а иногда нет. Символический шаг: из конституции убрали пророческие слова о том, что защита Отечества – священный долг каждого гражданина. Да, в философии есть такая формула: «Не имеет святости то, что имеет цену».

Истинный замысел такого поворота излагался идеологами реформ 90-х годов в интеллектуальных журналах «для своих». Вот журнал «Век XX и мир», который в 1991 г. создал Г. Павловский. Здесь (1992, № 1) читаем: «Поначалу в реформированном мире, в оазисе рыночной экономики будет жить явное меньшинство наших сограждан [«может быть, только одна десятая населения»]... Надо отметить, что у жителей этого светлого круга будет намного больше даже конкретных юридических прав, чем у жителей кромешной (то есть внешней, окольной) тьмы: плацдарм победивших реформ окажется не только экономическим или социальным – он будет еще и правовым... Но для того, чтобы реформы были осуществлены хотя бы в этом, весьма жестоком виде, особую роль призвана сыграть армия... Армия в эпоху реформ должна сменить свои ценностные ориентации. До сих пор в ней силен дух РККА, рабоче-крестьянской армии, защитницы сирых и обездоленных от эксплуататоров, толсто-

сумов и прочих международных и внутренних буржуинов... Армия в эпоху реформы должна обеспечивать порядок. Что означает реально охранять границы первых оазисов рыночной экономики. Грубо говоря, защищать предпринимателей от бунтующих люмпенов. Еще грубее – защищать богатых от бедных, а не наоборот, как у нас принято уже семьдесят четыре года. Грубо? Жестоко? А что поделаешь...»

Грубо, жестоко, но верно. Лучше жестокую правду знать, чем отворачиваться от нее.

Для многих кажется убедительным другой довод в пользу армии по найму — она, дескать, лучше закрыта от тех болезненных явлений, которые поразили сегодня общество и проявляются в армии по призыву (например, дедовщина). Это довод надуманный и не подкреплён ни опытом, ни логикой. Оба типа армии набираются из одного и того же населения, причем выборка, составленная из всех слоев общества, в целом всегда более устойчива и «здоровая», чем однородный контингент, нанимающийся в солдаты из материальных соображений.

Да и зарождение болезней нашей армии в 70-е годы мы еще помним хорошо. Они возникли сначала в среде офицерства как части советской интеллигенции и отразили мировоззренческий кризис советского общества тех лет. Во время перестройки офицерство захлеб читало «Огонек» и «МК» и стало главным объектом разлагающей антиармейской кампании. Дедовщина возникла и укоренилась пото-

му, что командный (профессиональный) состав армии ее допустил, а частично и использовал. Устранить ее просто путем замены солдат-призывников контрактниками невозможно, тут требуется лечение всего организма, глубокое и бережное, без нагнетания нового психоза в обществе.

Конечно, без усиления профессиональной компоненты в современной технологичной армии не обойтись, но нельзя допустить, чтобы при этом был сломан сам культурный и духовный тип российской армии как исполнения священного долга. Армия – один из стержней, скрепляющих народ. Если его выдернуть, посыплется очень многое.

Затронем и второй вопрос – армия и хозяйство. Вот факты, которых никак нельзя забывать. В 1943 г. СССР произвел только 8,5 млн. тонн стали, а Германия более 35 млн. тонн. Однако промышленность СССР произвела намного больше вооружения, чем германская. Так, в 1941 г. СССР выпустил на 4 тысячи, а в 1942 г. на 10 тыс. самолетов больше, чем Германия. В 1941 г. в СССР было построено 6,6 тыс. танков, а в Германии 3,3 тыс. В 1942 г. в СССР 24,7 тыс. против 4,1 тыс. в Германии. При этом быстро совершенствовалась технология производства: в 1944 г. себестоимость всех видов военной продукции сократилась по сравнению с 1940 г. в два раза. В СССР наладили автоматическую сварку танковой брони, что повысило производительность труда в 5 раз, а в Германии этого так и не смогли сделать до конца войны.

Как же соединялось советское хозяйство с армией? Мы об

этом не думали, так посмотрим чужими глазами – в годы холодной войны над этой проблемой бились лучшие ученые и разведчики США, вот уже десять лет она обсуждается там на многих конференциях. Этот феномен оказался уникальным и непонятным. Согласно заявлениям ЦРУ, только на определение величины советских военных расходов США затратили с середины 50-х годов до 1991 года от 5 до 10 млрд, долларов (в ценах 1990 года). Как было сказано на слушаниях в сенате США 16 июля 1990 года, «попытка правительства США оценить советскую экономику является, возможно, самым крупным исследовательским проектом из всех, которые когда-либо осуществлялись в социальной области».

Давайте запомним этот факт: советский ВПК не поддавался описанию и измерению в понятиях рыночной экономики. А нас с помощью самых дешевых доводов убедили сломать его – он, мол, «неэффективен». Мы клюнули на эту примитивную демагогию, и нам всем должно быть стыдно – в целом, как народу. Наш ВПК очень дешево снабжал армию прекрасным оружием. Исследования ЦРУ в 1960–1975 гг. показали, что военные расходы СССР составляли 6–7 % от ВВП, при этом доля их снижалась. В начале 50-х годов СССР тратил на военные цели 15 % ВВП, в 1960 г. – 10 %, а в 1975 г. всего 6 %. На закупки вооружений до перестройки расходовалось в пределах 5–10 % от уровня конечного потребления населения СССР.

Вспомните, кто и как нам врал. Шеварднадзе заявил в мае

1988 года, что военные расходы СССР составляют 19 % от ВВП; в апреле 1990 г. эту цифру довели до 20 % – и никаких обоснований! И разве кто-нибудь сегодня спросит с академиков и политиков, из какого пальца они высосали свои данные о военных расходах СССР? Разве не парадоксально, что заявления Горбачева вынуждено было опровергать ЦРУ, но в СССР эти опровержения замалчивались?

Видный российский эксперт по проблеме военных расходов В.В. Шлыков в недавней статье «Американская разведка о советских военных расходах» пишет об этом: «Сейчас уже трудно поверить, что немногим более десяти лет назад и политики, и экономисты, и средства массовой информации СССР объясняли все беды нашего хозяйствования непомерным бременем милитаризации советской экономики. 1989–1991 годы были периодом настоящего ажиотажа по поводу масштабов советских военных расходов. Печать и телевидение были переполнены высказываниями сотен экспертов, торопившихся дать свою количественную оценку реальному, по их мнению, бремени советской экономики».

Но сейчас-то, когда опубликованы данные тридцатилетних исследований ЦРУ и они обсуждены на совещаниях ведущих экспертов, должны же и мы вникнуть в едва ли не главные для страны особенности соединения армии с хозяйством. Ведь мы наследники этого достижения российской культуры, мы с него и живем – и сами же его уничтожаем. Как же тут не быть кризису!

В.В. Шлыков пишет о том, как воспринимаются данные ЦРУ в среде специалистов: «Тезис о том, что СССР рухнул под бременем военных расходов, утратил былую привлекательность. Более того, советский период по мере удаления от него все более начинает рассматриваться как время, когда страна имела и «пушки и масло», если понимать под «маслом» социальные гарантии. Уже не вызывают протеста в СМИ и среди экспертов и политиков утверждения представителей ВПК, что Советский Союз поддерживал военный паритет с США прежде всего за счет эффективности и экономичности своего ВПК».

Именно это важно – эффективность и экономичность советского ВПК. Особый, созданный именно у нас (и только у нас) тип связи армии и производства как хозяйственных систем. В.В.Шлыков пишет, что суть этого — «уникальная советская система мобилизационной подготовки страны к войне. Эта система, созданная Сталиным в конце 20-х — начале 30-х годов, оказалась настолько живучей, что ее влияние и сейчас сказывается на развитии российской экономики сильнее, чем пресловутая «невидимая рука рынка» Адама Смита...

Начавшаяся в конце 20-х годов индустриализация с самых первых шагов осуществлялась таким образом, чтобы вся промышленность, без разделения на гражданскую и военную, была в состоянии перейти к выпуску вооружения по единому мобилизационному плану, тесно сопряженному с

графиком мобилизационного развертывания Красной Армии.

В отличие от царской России, опиравшейся при оснащении своей армии преимущественно на специализированные «казенные» заводы, не связанные технологически с находившейся в частной собственности гражданской промышленностью, советское руководство сделало ставку на оснащение Красной Армии таким вооружением (прежде всего авиацией и бронетанковой техникой), производство которого базировалось бы на использовании двойных технологий, пригодных для выпуска как военной, так и гражданской продукции... Создание же чисто военных предприятий с резервированием мощностей на случай войны многие специалисты Госплана считали расточительным омертвлением капитала...

Основные усилия советского руководства в эти [30-е] годы направлялись не на развертывание военного производства и ускоренное переоснащение армии на новую технику, а на развитие базовых отраслей экономики (металлургия, топливная промышленность, электроэнергетика и т. д.) как основы развертывания военного производства в случае войны... Именно созданная в 30-х годах система мобилизационной подготовки обеспечила победу СССР в годы Второй мировой войны...

После Второй мировой войны довоенная мобилизационная система, столь эффективно проявившая себя в годы

войны, была воссоздана практически в неизменном виде. При этом, как и в 30-е годы, основные усилия направлялись на развитие общеэкономической базы военных приготовлений... Это позволяло правительству при жестко регулируемой заработной плате не только практически бесплатно снабжать население теплом, газом, электричеством, взимать чисто символическую плату на всех видах городского транспорта, но и регулярно, начиная с 1947 г. и вплоть до 1953 г., снижать цены на потребительские товары и реально повышать жизненный уровень населения. Фактически Сталин вел дело к постепенному бесплатному распределению продуктов и товаров первой необходимости, исключая одновременно расточительное потребление в обществе.

Совершенно очевидно, что капитализм с его рыночной экономикой не мог, не отказываясь от своей сущности, создать и поддерживать в мирное время подобную систему мобилизационной готовности».

Та связка «хозяйство— армия», которая была создана в СССР, позволила нам победить врага, обладающего четырехкратным превосходством экономического потенциала, и добиться военного паритета с Западом при многократно меньших расходах. Но мы этого не хотели понять – и в результате обрушено и военное, и гражданское производство, остались «и без пушек, и без масла», сидим на Трубе. Слава богу, пока есть еще остатки советского ракетно-ядерного щита. Если же нас действительно сумеют втянуть в ВТО,

наше хозяйство будет добито – ведь каждый завод у нас все еще делает «сегодня швейные машинки, а завтра пулеметы». WTO нас разорит штрафами.

Это – реальность, как наш климат или наша история. Из нее и надо исходить в решениях, определяющих нашу судьбу.

Русский коммунизм

В ходе перестройки и реформы в нашем общественном сознании был создан хаос, который превратился в особый порядок, называемый Смутой. И кризис, и хаос, и смуты – важные состояния общества, как и болезни у человека, они изучаются наукой.

Смута – это «система порочных кругов», историческая ловушка, из которой народу трудно выбраться. Свойством этого состояния является утрата способности к рефлексии – анализу предыдущих состояний. Это мешает понять происходящее (оно ведь «вырастает» из прошлого), а затем – и предвидеть будущее. Иными словами, не дает различить те возможные пути в будущее, которые идут от нынешнего перекрестка. Это трагедия: представьте себе «витязя на распутье», который от камня не видит никаких путей.

Здесь речь пойдет не только об одном провале в нашем сознании – Смута как будто проглотила целый кусок той мировоззренческой матрицы, на которой и был собран наш народ. XX век – это несколько исторических периодов в жизни России, периодов критических. Суть каждого из них была в столкновении противоборствующих сил, созревающих в течение веков. В разных формах эти силы будут определять и нашу судьбу в XXI веке. Но весь XX век Россия жила в силовом поле большой мировоззренческой конструкции,

называемой русский коммунизм. Знать ее суть необходимо всем, кто собирается жить в России, а уж тем более тем, кто желает Россию укреплять. Блок этого знания и вышибли из нашего разума за последние 20 лет.

Это была одна из главных операций психологической войны против России, начатая в 70-е годы. В 80-е годы в нее включились отечественные силы, в том числе и «патриоты», а потом и государство. В самые последние годы государство перешло к обороне, но очень вялой – его «личный состав» тоже контужен. Вся история советского проекта стала для нас черной дырой (или «черным ящиком»), а мы все стали «людьми ниоткуда» по кличке «постсоветские».

В результате трезвое знание о русском коммунизме имеют именно враги России, а те, которым без России не жить, воюют друг с другом из-за призраков. Одни не желают никакого трезвого знания потому, что возненавидели «коммунык», другие потому, что не могут отвлекаться от защиты светлых идеалов коммунизма. И те, и другие остаются слепыми – бродят по исторической ловушке и тянут назад тех, кто пытается выбраться.

В лучшем положении сейчас студенты. «Битвы призраков» их затронули меньше, они более открыты непредвзятому знанию. Оно для них— прагматическая ценность. Я выскажусь, имея в виду именно такого читателя.

Русский коммунизм— сплетение очень разных течений, необходимых, но в какие-то моменты враждебных друг дру-

гу. Советское обществоведение дало нам облегченную модель этого явления, почти пустышку. До войны иначе и нельзя было, а потом Хрущев искажал картину из своих фракционных интересов. При Брежневe верхушка была не на высоте задачи, да и уже заблокирована интеллектуалами с «новым мышлением». Они еще оставались коммунистами, но уже «евро». Главные вещи мы начали изучать и понимать в ходе катастрофы – глядя на те точки, по которым бьют.

В самой грубой форме я представляю русский коммунизм как синтез двух больших блоков, которые начали соединяться входе революции 1905–1907 гг. и стали единым целым перед войной (а если заострять, то после 1938 г.). Первый блок – то, что Макс Вебер назвал «крестьянский общинный коммунизм». Второй – русская социалистическая мысль, которая к началу XX в. взяла как свою идеологию марксизм, но им было прикрыто наследие всех русских проектов модернизации, начиная с Ивана IV.

Оба эти блока были частями русской культуры и имели традиции, о которых много написано. Оба имели сильные религиозные компоненты. Общинный коммунизм питался «народным православием», не вполне согласным с официальной церковью, со многими ересями, имел идеалом град Китеж («Царство Божье на земле»), у социалистов – идеал прогресса и гуманизм, доходящий до человекобожия. Революция 1905 г. – дело общинного коммунизма, почти без влияния второго блока. Зеркало ее – Лев Толстой. После нее

произошел раскол у марксистов, и их «более русская» часть пошла на смычку с общинным коммунизмом. Отсюда «союз рабочего класса и крестьянства», ересь для марксизма. Возник большевизм, первый эшелон русского коммунизма. Раскол социалистов в конце привел к Гражданской войне, все «западники» объединились (под рукой самого Запада) против большевиков-«азиатов».

Во время Гражданской войны крестьяне еще различали большевиков и коммунистов (как русских и евреев). Это показано в фильме «Чапаев», но раньше мы не понимали смысла вопроса: «Василий Иванович, ты за кого – за большевиков или за коммунистов?» Фурманов понимал. После Гражданки демобилизовался миллион младших и средних командиров из деревень и малых городов – «красносотенцы». Они заполнили госаппарат, рабфаки и университеты, послужили опорой сталинизма. Конфликт между «почвенной» и «космополитической» частями коммунизма кончился кровавыми репрессиями, тонкая прослойка «космополитов» была почти сожрана, с огромными потерями для страны. Но в благополучный сытый период 70—80-х годов возродилась уже как сознательный враг— и взяла реванш. Теперь в основном в виде «оборотней» типа Гайдара.

Соединение в русском коммунизме двух блоков, двух мировоззренческих матриц, было в российском обществе уникальным. Ни один другой большой проект такой структуры не имел – ни народники (и их наследники эсеры), ни ли-

бералы-кадеты, ни марксисты-меньшевики, ни консерваторы-модернисты (Столыпин), ни консерваторы-реакционеры (черносотенцы), ни анархисты (Махно). В то же время, большевизм многое взял у всех этих движений, так что после Гражданки видные кадры из всех них включились в советское строительство.

Какие главные задачи, важные для судьбы России, смог решить русский коммунизм? Что из этих решений необратимо, а в чем 90-е годы пресекли этот корень? Что из разработок коммунистов будет использовано в будущем? Тут и нужен трезвый анализ. Главное я вижу так.

Большевизм преодолел цивилизационную раздвоенность России, соединил «западников и славянофилов». Это произошло в советском проекте, где удалось произвести синтез космического чувства русских крестьян с идеалами Просвещения и прогресса. Это — исключительно сложная задача, и сегодня, разбирая ее суть, поражаешься тому, как это удалось сделать. Японцам это было сделать гораздо проще, а уже Китай очень многое почерпнул из опыта большевиков.

Если брать шире, то большевики выдвинули большой проект модернизации России, но, в отличие от Петра и Столыпина, не в конфронтации с традиционной Россией, а с опорой на ее главные культурные ресурсы. Прежде всего, на культурные ресурсы русской общины, о чем мечтали народники. Этот проект был в главных своих чертах реализован — в виде индустриализации и модернизации деревни, культур-

ной революции и создания специфической системы народного образования, своеобразной научной системы и армии. Тем «подкожным жиром», который был накоплен в этом проекте, мы питаемся до сих пор. А главное, будем питаться и в будущем – если ума хватит. Пока что другого источника не просматривается (нефть и газ – из того же «жира»).

Сразу выскажу свое убеждение в том, что проект реформ, предполагающий опору только на структуры западного типа (гражданское общество и рынок), обречен у нас на провал. Если у реформаторов будет достаточно сил, чтобы держать традиционную культуру в хрипящем полузадушенном состоянии, то Россия как цивилизация и как большая страна будет ликвидирована. По крайней мере, на обозримое будущее. Только Запад смог осуществить проект развития, порвав с традиционным обществом, но лишь потому, что длительное время мог изымать огромные средства из колоний, а потом уже собирать со всех дань как технологический лидер. Россия такой возможности не имела и не получит.

Второе, чего смогли добиться большевики своим синтезом, это на целый (хотя и короткий) исторический период нейтрализовать западную русофобию и ослабить накал изнуряющего противостояния с Западом. С 1920-х по конец 60-х годов престиж СССР на Западе был очень высок, и это дало России важную передышку. Россия в облике СССР стала сверхдержавой, а русские – полноправной нацией. О значении этого перелома писали и западные, и русские филосо-

фы, очень важные уроки извлек из него первый президент Китая Сунь Ятсен и положил их в основу большого проекта, который успешно выполняется.

Из современных мыслителей об этом хорошо сказал А.С. Панарин: «Русский коммунизм по-своему блестяще решил эту проблему. С одной стороны, он наделил Россию колоссальным «символическим капиталом» в глазах левых сил Запада – тех самых, что тогда осуществляли неформальную, но непреодолимую власть над умами – власть символическую.

Русский коммунизм осуществил на глазах у всего мира антропологическую метаморфозу: русского национального типа, с бородой и в одежде «а la cozak», вызывающего у западного обывателя впечатление «дурной азиатской экзотики», он превратил в типа узнаваемого и высокочтимого: «передового пролетария». Этот передовой пролетарий получил платформы для равноправного диалога с Западом, причем на одном и том же языке «передового учения». Превратившись из экзотического национального типа в «общечеловечески приятного» пролетария, русский человек стал партнером в стратегическом «переговорном процессе», касающемся поиска действительно назревших, эпохальных альтернатив».

Надо сказать, что сейчас, всеми своими телодвижениями демонстрируя свою лояльность Западу, мы получаем в ответ не знаки уважения и любви, а более или менее вежливое презрение. Очень там тонка прослойка дальновидных лю-

дей, которые понимают значение России и ценят ее независимо от конъюнктуры, даже «всеми плюнутую».

Третья задача, которую решили большевики и масштаб которой мы только сейчас начинаем понимать, состоит в том, что они нашли способ «пересобрать» русский народ, а затем и вновь собрать земли «Империи» на новой основе – как СССР. Способ этот был настолько фундаментальным и новаторским, что приводит современных специалистов по этнологии в восхищение— после того, как опыт второй половины XX века показал, какой мощью обладает взбунтовавшийся этнический национализм.

Как только Первая мировая война погрузила в кризис словное общество и монархию России, национализм развалил Империю. Либералы Временного правительства ему помогли. Белые пытались бороться под флагом Реставрации и, по словам историка, «напоролись на национализм и истекли кровью». А коммунисты нейтрализовали этнические элиты своим предложением собраться всем народам в «республику Советов». И Красная армия везде принималась как своя, нигде националисты не смогли представить ее как иностранную. Этнический национализм элиты нерусских народов России был загнан в бутылку, где и сидел, пока его не выпустил Горбачев, добивший русский коммунизм изнутри.

Но в решении этой задачи еще важнее было снова собрать русских в имперский (теперь «державный») народ. Этот народ упорно «демонтировали» начиная с середины XIX ве-

ка – и сама российская элита, перешедшая от «народопоклонства» к «народоненавистничеству», и Запад, справедливо видевший в русском народе «всемирного подпольщика» с мессианской идеей, и западническая российская интеллигенция. Слава богу, что сильна была крестьянская община, и она сама, вопреки всем этим силам, начала сборку народа на новой матрице. Матрица эта (представление о благой жизни) изложена в тысячах наказов и приговоров сельских сходов 1905–1907 гг., составленных и подписанных крестьянами России. И слава богу, что нашлось развитое политическое движение, которое от марксизма и перешло на эту матрицу («платформу»). Так и возник русский коммунизм. Это был случай, о котором Брехт сказал: «Ведомые ведут ведущих».

Сейчас духовные потомки тех, кто тогда пошел наперекор «ведомым», вроде бы взяли реванш – ну и в каком состоянии оказался народ? Но это другая история, а тогда сборка народа была совершена быстро и на высшем уровне качества. Так, что Запад этого не мог и ожидать, – в 1941 г. его нашествие встретил не «колосс на глиняных ногах», а многомиллионная образованная и здоровая молодежь с высочайшим уровнем самоуважения и ответственности. Давайте сегодня трезво оглянемся вокруг: видим ли мы после уничтожения русского коммунизма хотя бы зародыш такого типа мышления, духовного устремления и стиля организации, который смог бы, созревая, выполнить задачи тех же масштабов и сложности, что выполнил советский народ в 30–40-

е годы, «ведомый» русским коммунизмом? А ведь такие задачи на нас уже накатывают.

Это уже частность, но ведь факт, что русский коммунизм доработал ту модель государственности, которая была необходима для России в новых, труднейших условиях XX века. Основные ее контуры задала та же общинная мысль («Вся власть Советам»), но в этом крестьянском самодержавии было слишком много анархизма, и мириады Советов надо было стянуть в мобильное современное государство. Это и сделали коммунисты, и это была творческая работа высшего класса. Как глупо сегодня забывать этот опыт!

Четвертую задачу, которую решил русский коммунизм (именно в его двуединой сущности), назову совсем кратко.

Он спроектировал и построил большие технико-социальные системы жизнеустройства России, которые позволили ей вырваться из исторической ловушки периферийного капитализма начала XX века, стать индустриальной и научной державой и в исторически невероятно короткий срок подтянуть тип быта всего населения к уровню развитых стран. Мы не понимали масштабов и сложности этой задачи, потому что жили «внутри ее» – как не думаем о воздухе, которым дышим (пока нас не взяла за горло чья-то мерзкая рука).

На деле все эти большие системы «советского типа» – замечательное творческое достижение нашего народа. В их создании было много блестящих открытий и прозрений, во всех них есть что-то от автомата Калашникова – гениальная

простота и красота. Замечательные, великолепные создания – советская школа и наука, советское здравоохранение и Советская армия, советское промышленное предприятие с его трудовым коллективом и детским садом и советская колхозная деревня, советское теплоснабжение и Единая энергетическая система.

Все это за последние двадцать лет оболгали и исковеркали. Для уничтожения «империи зла» это было необходимо. Но едва ли не самая главная для нас часть этого злодеяния заключается в том, что молодежь отвратили от знания о том, как все это работает. А ведь страшная истина заключается в том, что иных, «антисоветских» больших систем построить уже не удастся. Место занято! Можно изуродовать РАО ЕЭС или даже уничтожить ее, но построить иную, «западного» типа, уже не выйдет. Как мы видим, можно уничтожить советскую науку, но планы создания какой-то иной науки поражают своим ничтожеством, как будто в наказание кто-то с неба щелкнул разрушителей по лбу.

Все мы – наследники русского коммунизма, никакая партия или группа не имеет монополии на его явное и тайное знание. И все же, антисоветизм и антикоммунизм отвращают от него. Я смотрю на это с горечью, и дело не в политике. Сегодня отворачиваться от этого знания глупо, а завтра будет уже убийственно.

Уроки Февраля

Февральская революция была тем тараном, что пробил брешь, в которую прорвалась Октябрьская революция. Поэтому нынешние наследники Керенского, которые на время взяли реванш в России, не слишком громко празднуют ту их первую победу. Даже хотели бы отмазаться от нее. А нам полезно разобраться.

За последние 15 лет я много перечитал о том времени, сравнил наблюдения многих умных людей из разных политических течений. У меня сложилась иная картина, чем та, что нам давали в официальной истории. Та упрощенная схема, как я думаю, была выработана, чтобы после Гражданской войны поскорее залечить рану раскола, примирить враждовавшие силы. Это было мудрое решение. Но оно же оставило нас без важного знания, которое нам было необходимо во время перестройки. Знай мы смысл событий 1905–1917 гг., мы бы не попались на удочку Горбачева. Мы бы распознали за красивыми речами программы тех сил, которые окрепли в 70-е годы и вышли на арену в 80-е.

Сегодня повторять старые штампы советской истории нельзя никак, тем более навязывать их молодежи. Следуя им, мы будем похожи на динозавров, чудом переживших оледенение и проснувшихся в другой эпохе. Поэтому считаю своим долгом кратко изложить то, как я вижу те события сего-

дня. Я не историк, в моей картине много прорех, это грубая модель реальности. Но нам сегодня нужны именно грубые модели, а не споры о деталях.

Мы учили, что в Феврале в России произошла буржуазно-демократическая революция, которая свергла монархию. Эта революция под руководством большевиков переросла в социалистическую пролетарскую революцию. Однако силы «старой России» собрались и летом 1918 г. при поддержке империалистов начали контрреволюционную гражданскую войну против советской власти.

Эта картина совершенно неверна, не в деталях, а в главном. Никак не могла Февральская революция «перерасти» в

Октябрьскую, поскольку для Февраля и царская Россия, и советская были одинаковыми врагами. Для Февраля обе они были «империями зла».

Возьмем суть. С конца XIX века Россия втягивалась в периферийный капитализм, в ней стали орудовать европейские банки, иностранцам принадлежала большая часть промышленности. Этому сопротивлялось монархическое государство – строило железные дороги, казенные заводы, университеты и науку, разрабатывало пятилетние планы. Оно пыталось модернизировать страну— неудачно, пошло на поводу у помещиков. Не справилось – было повязано и сословными нормами, и долгами. Как говорят, попало в историческую ловушку и выбраться из нее уже не могло.

Главным врагом этого государства была буржуазия, кото-

рая требовала западных рыночных порядков и, кстати, демократии – чтобы рабочие могли свободно вести против нее классовую борьбу, в которой заведомо проиграли бы (как на Западе). Крестьяне (85 % населения России) к требованиям буржуазии относились равнодушно, но их допекли помещики и царские власти, которые помещиков защищали. Рабочие были для них «своими» и буквально (родственниками), и по образу мыслей и жизни. В 1902 г. начались крестьянские восстания из-за земли, потом возникло «межклассовое единство низов»– и революция 1905 г. Только после нее большевики поняли, к чему идет дело, и подняли знамя «союза рабочих и крестьян» – ересь для марксизма. К революции крестьяне повернули из-за столыпинской реформы, Столыпин и есть «отец русской революции».

А буржуазия с помощью Запада возродила масонство как межпартийный штаб своей революции (в 1915 г. руководителем масонов стал Керенский). Главной партией там были кадеты (либералы-западники), к ним примкнули меньшевики и эсеры. Это была «оранжевая» коалиция того времени. Большевики к ним не примкнули и правильно сделали. Этот урок надо бы и сегодня помнить.

Итак, в России стали созреть две не просто разные, а и враждебные друг другу революции: 1) западническая, имевшая целью установление западной демократии и свободного рынка, 2) крестьянская, имевшая целью закрыть Россию от западной демократии и свободного рынка, отобрать свою

землю у помещиков и не допустить раскрестьянивания.

Обе революции ждали своего момента, он наступил в начале 1917 г. Масоны завладели Госдумой, имели поддержку Антанты, а также генералов и большей части офицерства (оно к тому времени стало разночинным и либеральным, монархисты-дворяне пали на полях сражений). Крестьяне и рабочие, собранные в 11-миллионную армию, два с половиной года в окопах обдумывали и обсуждали проект будущего. Они уже были по-военному организованы и имели оружие. В массе своей это было поколение, которое в 1905–1907 гг. подростками пережило карательные действия против их деревень и ненавидело царскую власть.

Февральская революция была переворотом в верхах, проведенным Госдумой и генералами. Но она была возможной потому, что ее поддержали и банки, скупившие хлеб, и солдаты. Порознь ни одной из этих сил не было бы достаточно. Во всех революциях требуется участие влиятельной части госаппарата.

Либералы-западники, пришедшие к власти, моментально разрушили государство Российской империи сверху донизу и разогнали саму империю. Это развязало руки революции советской, грязную работу сделала буржуазия и ее прислужники, можно было строить и восстанавливать.

Уникальность русской революции 1917 г. в том, что с первых ее дней в стране стали формироваться два типа государственности – буржуазно-либеральная республика (Времен-

ное правительство) и «самодержавно-народная» Советская власть. Эти два типа власти были не просто различны по их идеологии, социальным и экономическим устремлениям. Они находились на двух разных и расходящихся ветвях цивилизации. То есть их союз в ходе государственного строительства был невозможен. Разными были фундаментальные, во многом неосознаваемые идеи, на которых происходит становление государства – прежде всего, представления о мире и человеке.

Столкновения начались быстро. И кадеты, и меньшевики ориентировались на Запад и требовали продолжать войну. В ответ 21 апреля в Петрограде прошла демонстрация против этой политики правительства, и она была обстреляна – впервые после Февраля. Как писали, «дух гражданской войны» повеял над городом.

Да, в момент Февральской революции, когда произошел слом старой государственности и началась вялотекущая Гражданская война. Но не с монархистами – вот что важно понять! Это была война «будущего Октября» с Февралем. Произошло то «превращение войны империалистической в войну гражданскую», о котором говорили большевики. Они это именно предвидели, а вовсе не «устроили» – никакой возможности реально влиять на события в Феврале 1917 г. большевики вообще не имели.

Преобразование внешней войны в гражданскую ощущалось всеми. М.М. Пришвин писал в дневнике после Февраля: «В

начале войны народ представлял себе врага-немца вне государства. После ряда поражений он почувствовал, что враг народа – внутренний немец. И первый из них, царь, был свергнут. За царем свергли старых правителей, а теперь свергают всех собственников земли. Но земля неразрывно связана с капиталом. Свергают капиталистов – внутренних немцев».

В апреле 1917 г. крестьянские волнения охватили 42 из 49 губерний Европейской части России. Эсеры и меньшевики, став во главе советов, и не предполагали, что под ними поднимается неведомая теория государственности крестьянской России, для которой монархия стала обузой, а правительство кадетов – недоразумением. Этому движению надо было только дать язык, простую оболочку идеологии. И это дали «Апрельские тезисы» В.И. Ленина. Стихийный процесс продолжения Российской государственности от самодержавной монархии к советскому строю, минуя государство либерально-буржуазного типа, обрел организующую его партию (большевиков). Поэтому рядовые консерваторы-монархисты (и даже черносотенцы) после Февраля пошли именно за большевиками. Да и половина состава царского Генерального штаба.

Монархия капитулировала без боя. С Февраля в России началась борьба двух революционных движений. Более того, на антисоветской стороне главная роль постепенно переходила от либералов к социалистам – меньшевикам и эсерам.

И те, и другие были искренними марксистами и социалистами, с ними были Плеханов и Засулич. В это же надо наконец-то вдуматься! Они хотели социализма для России, только социализма по-западному, «правильного». А у нас народ был «неправильный».

В Грузии красногвардейцы социалистического правительства, возглавляемого членом ЦК РСДРП Жордания, сразу начали расстреливать советские демонстрации. А позже лидер меньшевиков Аксельрод требовал «организации интернациональной социалистической интервенции против большевистской политики... в пользу восстановления политических завоеваний февральско-мартовской революции».

Я представляю дело как параллельное развитие с начала XX века двух революций, стоящих на разных мировоззренческих основаниях. Но можно взглянуть и по-другому, со стороны меньшевиков-марксистов. Их взгляд нам враждебный, но он все же правильнее, чем наша официальная история. Они считали Октябрь событием реакционным, контрреволюцией. В этом они были верны букве марксизма, прямо исходили из указаний Маркса и Энгельса. В советское время марксизм «вульгаризировали» — всю антисоветчину из него выкинули. Тоже правильно сделали для того момента, но перед перестройкой мы оказались беззащитными. Да и сегодня плаваем.

Так вот, меньшевики и эсеры считали Октябрь контрреволюционным переворотом (эсеры и объявили Советам гражд-

данскую войну, а подполковник Каппель был их первым командиром— его теперь с воинскими почестями и хоругвями хоронят).

Но пусть обзывают Октябрьскую революцию контрреволюцией, не будем обращать внимания. Важнее их анализ.

Николай Бердяев высказал в 1923 г. важную мысль: «Контрреволюцию, начинающую новую, пореволюционную эпоху, не могут сделать классы и партии, которым революция нанесла тяжелые удары и которые она вытеснила из первых мест жизни... Идейная контрреволюция должна быть направлена к созданию новой жизни, в которой прошлое и будущее соединяются в вечном, она должна быть направлена и против всякой реакции».

Буржуазно-либеральная революция (февраль 1917 г.) могла быть преодолена только «контрреволюцией Советов», но никак не силами, «революцией пораженными» (монархистами и помещиками). Если представить себе, что монархисты взяли реванш у либералов, то это стало бы реакцией, задушившей Россию. Идя от Февраля назад, реакция не разорвала бы ни один из порочных кругов, в которые попала монархическая государственность. Подавить либеральную революцию могли только «силы, развившиеся внутри самой революции» – сплав Советов с большевиками. И эта сила была именно «направлена к созданию новой жизни и против всякой реакции». Вот великая заслуга Февраля – он сплавил Советы с большевиками.

Силы, пришедшие к власти в результате любой революции, если их не свергают достаточно быстро, успевают произвести перераспределение собственности, кадровые перестановки и обновление власти. Новая власть получает кредит доверия. А значит, уже через короткий промежуток времени контратака с ходу оказывается невозможной, приходится готовить революцию, что гораздо сложнее. Это глубоко продумал Ленин. Он точно определил тот короткий временной промежуток, когда можно было сбросить буржуазное правительство без больших жертв.

Это надо было сделать на волне самой Февральской революции, пока не сложился новый государственный порядок, пока все было на распутье и люди находились в ситуации выбора. И когда угас оптимизм и надежды на то, что Февраль ответит на чаяния подавляющего большинства – крестьян. В этом смысле Октябрьская революция была тесно связана с Февральской и стала шедевром революционной мысли.

Трагедией было то, что такое «отрицание отрицания» привело к Гражданской войне. Не удалось оторвать меньшевиков и эсеров от кадетов, и слишком силен был в них революционный дух. Война «белых» против Советского государства не имела целью реставрировать Российскую империю в виде монархии. Это была «война Февраля с Октябрем» – столкновение двух революционных проектов.

Если представить себе, что масоны и буржуазия не успели бы подготовить свою революцию, и советские силы сами

одолели царизм, то никакой гражданской войны не было бы. Советская власть и царская в принципе не были антагонистами – сразу бы начали выполнять пятилетние планы, подготовленные царскими плановиками, и строить московское метро. Но именно поэтому и не удалось бы поднять солдат и крестьян на революцию. Прорваться можно было только «на плечах врага».

К сожалению, антисоветские силы многому научились у истории, им требовалось знание, а не приятные сказки. Теперь наша очередь учиться – в этом польза поражений.

Крах советского строя: предпосылки

За почти 20 лет мы многое поняли в катастрофе СССР, загадки остаются, но к ним есть подходы. Разговор об этом трудный, придется поставить под сомнение любимые мифы нашей истории. Она была мифологизирована, «берегла» нас от тяжелых размышлений и кормила успокаивающими штампами. И мы не задумались даже над тем, почему две марксистские революционные партии – большевики и меньшевики – оказались в Гражданской войне по разные стороны фронта.

Но давайте взглянем на крах СССР без догм и стереотипов. Не будем об убийцах СССР. ЦРУ и Горбачев, диссиденты, западники и почвенники, Нуйкин и Шахрай. Такие агенты всегда есть в окружающей среде, от них надо уметь защищаться. Человек носит внутри себя килограмм кишечной палочки, но если он моет руки перед едой, она ему не страшна.

Для нас главный вопрос— почему советские люди аплодировали Горбачеву. Почему Верховный Совет РСФСР (кроме 5 депутатов) проголосовал за беловежские соглашения, даже не прочитав их? Почему шахтеры стучали касками, требуя «экономической самостоятельности» – при убыточности их шахт? Почему рабочие равнодушно приняли приватизацию, забыв о своих шкурных интересах? Почему

огромным народом как будто овладела «воля к смерти»? Что было предпосылкой для этого?

Вспомним азы. Советский строй – это реализация цивилизационного проекта, рожденного Россией в русле ее истории и культуры. Многие из проекта не удалось осуществить в силу обстоятельств. Но удалось великое по замыслу и грандиозное по масштабам дело: создать жизнеустройство, надежно устранившее источники массовых социальных страданий, с высоким уровнем безопасности и солидарными межэтническими отношениями. Это был проект с большим творческим потенциалом и мощным импульсом развития. Гляньте вокруг и почувствуйте разницу.

И это не просто социальный проект, но и ответ на вопросы бытия, порожденный в муках из Православия, как Запад дал свой родившийся в муках ответ в виде рыночного общества и человека-атома – из недр протестантской Реформации. Советский проект повлиял на все большие мировые проекты: помог зародиться социальному государству Запада, демонтировать колониальную систему, на время нейтрализовал соблазн фашизма, дал импульс цивилизациям Азии.

Глупо давать советскому строю формационный ярлык – социализм, «казарменный социализм», госкапитализм и пр. Исходим из очевидного: это было жизнеустройство со своим типом хозяйства, государства, национального общежития. Мы знаем, как питались люди, чем болели и чего боялись. Сейчас видим, как ломают главные структуры этого

строю и каков результат – в простых и жестких понятиях.

Каков генезис? Россия в начале XX века была традиционным (а не гражданским) обществом в процессе модернизации. Русская революция 1905 г. была началом мировой революции, вызванной сопротивлением крестьян против капитализма («раскрестьянивания»). На Западе эти революции потерпели поражение, а на периферии – победили или оказали влияние на ход истории. Это революции в России, Китае, Индонезии, Индии, Вьетнаме, Алжире, Мексике – по всему «незападному» миру. Зеркало русской революции – Лев Толстой, а не Маркс.

Воспитанный в марксизме или либерализме интеллигент не знает и не любит традиционного общества. Даже советская система хозяйства была описана и понята очень плохо. То же можно сказать о советской школе, науке, армии, ЖКХ и т. д. Когда правительство Н.И. Рыжкова подрывало советское хозяйство, оно не понимало, что делало. Впрочем, как и общество в целом.

На советском заводе производство было переплетено с поддержанием условий жизни работников и вообще «города», что невозможно объяснить эксперту из МВФ. Это переплетение, идущее от навыка общинной жизни, настолько прочно вошло в массовое сознание, что казалось естественным. Оно дает очень большую экономию. Отопление бросовым теплом ТЭЦ – один из примеров. Об этом мы не думали при советском строе. Базовые материальные потребности

удовлетворялись в СССР гораздо лучше, чем этого можно было бы достигнуть при том же уровне развития, но в условиях капитализма – хозяйство было очень экономным.

Вот первая предпосылка краха, которую Андропов определил четко: «Мы не знаем общества, в котором живем». В 70— 80-е годы это состояние ухудшалось: незнание превратилось в непонимание, а затем и во враждебность, дошедшую в части элиты до паранойи. Незнанием была вызвана и неспособность руководства выявить назревающие в обществе противоречия и найти способы разрешить уже созревшие проблемы. Незнание привело и само общество к неспособности разглядеть опасность начатых во время перестройки действий, а значит, и к неспособности защитить свои кровные интересы.

Поколение стариков «знало общество, в котором мы живем» – не из учебников марксизма, а из личного опыта. Это знание было неявным, неписанным, но оно было им настолько близко и понятно, что казалось очевидным и неустранимым. Систематизировать и «записать» его казалось ненужным – и оно стало недоступным. Новое поколение номенклатуры уже не было детьми общинных крестьян, носителей и творцов советского проекта. Это уже были дети интеллигенции.

Но и те, кто рекрутировался через комсомол из рабочих и крестьян, воспитывался в школе, вузе, а потом партийных школах и академиях так, что истмат вытеснил у них то неявное знание, которое они еще могли получить в семье. Роза-

нов сказал, что российскую монархию убила русская литература. Это гипербола, но в ней есть зерно истины. По аналогии можно сказать, что СССР убила Академия общественных наук при ЦК КПСС и сеть ее партийных школ.

Не в том дело, какие ошибки допускало партийное руководство, а какие решения приняло правильно. Оно не обладало адекватными средствами познания реальности. Это как если бы полководец, ведя армию, пользовался картой другой страны. Ситуацию держали кадры низшего звена – райкомы, горкомы, хозяйственники. Как только Горбачев нанес удар по партаппарату и по системе управления, разрушение приобрело лавинообразный характер. Неважно даже, почему он это сделал – по незнанию или как изменник Родины.

Начав в 80-е годы перестройку всех систем жизнеустройства, партийное руководство подрезало у них жизненно важные устои, как если бы человек, не знающий анатомии, взялся делать сложную хирургическую операцию. В раны ворвались «кишечные палочки», но мы не о них.

Но почему же, начиная с 60-х годов, в обществе стало нарастать ощущение, что жизнь устроена неправильно? Потому, что к этому времени наше общество изменилось кардинально. 70 % населения стали жить в городах, и это было принципиально новое поколение, во многих смыслах уникальное для всего мира. Это были люди, не только не испытывавшие сами, но даже не видевшие зрелища массовых социальных страданий. Возникло первое в истории, неизвестное

по своим свойствам сытое общество. Оно утратило коллективную память о социальных страданиях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.